

Плеяда богатырей

А. Г. АГАНБЕГЯН,
академик РАН,
Академия народного хозяйства при правительстве РФ,
Москва

Моя исследовательская деятельность в Государственном комитете по труду началась в 1956 г., и мне еще удалось застать плеяду ученых-экономистов, которые в те годы начали возвращаться из лагерей и ссылок. В их числе А. Л. Вайнштейн, который был арестован по делу Промпартии в 1928 г., почти 30 лет провел в тюрьме, лагерях, ссылках и вышел только в середине 50-х. Л. А. Минц написал начало своего выдающегося труда до 1928 г., а вторую часть подготовил уже после 1956 г. Я. Б. Кваша работал в лагере на прииске Матросова в Магадане. (Позже он как-то попросил меня привезти камешек с рудника, просил рассказать, что сохранилось на месте лагеря, остался ли сарай, где он жил.) В. П. Красовский, знаменитейший наш экономист, сидел в Норильске. Ярким представителем этой замечательной плеяды был и Семен Аронович Хейнман. С. А. Хейнмана арестовали 6 июня 1941 г., потом — тюрьмы в Лефортово, Саратово, лагеря. Освободился он только в 1954 г.¹

Все они были люди особой породы, сейчас таких нет. Пройдя трудности, которые даже невозможно себе представить, зверства сталинских времен, они не стали озлобленными. Они не жили старым: никто из них никогда подробно не рассказывал о пережитом, они были в этом отношении очень щепетильные люди. Только по отдельным репликам иногда что-то всплывало и можно было понять, через какие

¹ Воспоминания С. А. Хейнмана «Враг народа» и «Дорога в небытие» были опубликованы в «ЭКО» в 1991 г. (№ 2, 3, 9) и в 1992 г. (№ 6).

ужасы они прошли... Все они были очень преданы нашей Родине, без громких слов были настоящими патриотами.

Я был в хороших, дружеских отношениях с ними, как младший товарищ. Семен Аронович был очень теплый человек, притягивающий к себе людей. Очень доброжелательный, отзывчивый, как бы излучавший свет. Я никогда не видел его раздраженным, он ни на кого не повышал голос, не качал права. Всем этим людям была присуща скромность, даже я бы сказал, застенчивость, они никогда не ставили во главу угла свои личные интересы, их отличало бескорыстие. Для меня встречи с ними были огромной школой воспитания, и думаю, не только для меня, для тысяч людей, которые с ними общались, даже не будучи их прямыми учениками.

И после освобождения жизнь у них сложилась очень трудная. От Л. А. Минца ушла жена, не дождавшись его возвращения из лагерей, детям она не сказала, кто их отец. После освобождения он жил в одиночестве в маленькой комнатке-клетушке на Ленинском проспекте в многокомнатной квартире. Пока С. А. Хейнман был в лагерях, его сын заболел полиомиелитом, и его парализовало. А. Л. Вайнштейн, вернувшись из ссылки, жил один, единственным светом в окошке осталась внучка, студентка Новосибирского университета. Поэтому он часто приезжал в Академгородок, выступал оппонентом на защитах диссертаций перед научным коллективом, в том числе неформально.

Человек исключительного остроумия, часто говорил стихами, афоризмами. Вспоминаю известный афоризм А. Л. Вайнштейна. Ему задали вопрос: «Освободившись после почти 30-летней ссылки и лагерей, вы уже через пару лет представили кандидатскую диссертацию “Народный доход России и СССР”, которую ученый совет оценил как докторскую, настолько это был фундаментальный научный труд, с огромным количеством ссылок... Как вам это удалось? Где вы брали литературу, пользовались ли библиотеками?» Он ответил: «Какие библиотеки, какие книги, вы даже не представляете себе ссылку не ленинских, а советских времен. Конечно, я деградировал за эти годы. Но и экономическая наука не стояла на месте, она пятилась назад, и вот мы сравнялись».

Его речь просто пересыпана была перлами, вспоминаю афоризм в речи на защите моей докторской диссертации: «Что такое очередь? Это – ...социалистический подход к прилавку».

Но самое главное – все они были изумительными экономистами, их отличали экономическое мышление, глубина анализа, умение работать с цифрами. Ведь надо представлять себе ситуацию в экономической науке в те времена. Большинство ученых построили карьеру на толковании тех или иных положений Ленина и Маркса, на фразеологии о коммунизме, коммунистической партии. Это были люди, которые эксплуатировали марксизм, – цитатчики, начетники, догматики². Была написана тьма диссертаций на эти темы.

Экономисты разучились работать с цифрами, да и статданных тогда было очень мало: первый статистический справочник «Народное хозяйство СССР» был издан в 1956 г. Показатель «Население СССР» был совершенно секретным, за его разглашение полагалось 8 лет и больше. Я уж не говорю про золотовалютные резервы, это вообще был секрет особой важности. Какая инфляция, какой валовой продукт! Тогда и терминов таких не было! Публиковались какие-то отрывочные сведения, по которым невозможно было делать анализ.

Конечно, не все представители экономической науки были такими. И опять мне повезло: я закончил общеэкономический факультет Московского государственного экономического института, который раньше назывался Плановый институт имени Кржижановского. Этот институт был организован при Госплане в 1944 г., чтобы готовить людей, которые работают с цифрами, с планом. Нам преподавали начальники отделов Госплана, которые вели конкретную экономическую работу, они не занимались толкованием цитат, я даже не уверен, что многие из них хорошо знали Маркса (мы-то изучали каждую страницу, были набиты цитатами, до сих пор помню высказывания К. Маркса: «Наука

² См., например, *Фомин Д. А.* Политическая экономия: панегерик вместо эпитафии? Размышления над книгой «Судьба политической экономии и её советского классика // ЭКО. 2006. № 7. С. 166–190. (*Прим. ред.*)

только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой», первую фразу «Капитала» – «Всякое начало трудно»)... Нашим преподавателям это не было свойственно, они нас воспитывали в духе прикладной экономики, анализа цифр. Они приводили слова Ленина, которые я, кстати, потом не смог отыскать в его сочинениях: «Науке нужны факты, а не догмы».

Так вот, и эти люди из плеяды старых экономистов занимались конкретными делами. Никто из них не был политэкономом, как, например, Я. А. Кронрод – яркая фигура, и с моей точки зрения, трагическая, в том смысле, что это был человек исключительных способностей, но выбрал стезю абстрактных рассуждений. Выводы делались не на основе реальных процессов, а логических умозаключений. Он был мастер мысли, ее поворотов. Его сочинения читать трудно, но интересно, однако все это очень далеко от реальной действительности.

А это были люди совсем другого класса. Каждый занимался своим делом. В. П. Красовский изучал эффективность инвестиций, разработал методику расчета эффективности инвестиций для реального применения и проанализировал множество проектов (приведенные затраты, ставка дисконтирования, норма эффективности капиталовложений). Я. Б. Кваша – выдающийся статистик, очень подробно изучал амортизацию, воспроизводство фондов. Л. А. Минц был специалистом по трудовым ресурсам, анализу их формирования. А Семен Аронович Хейнман создал целую школу, огромное направление, которым никто в СССР не занимался. Речь идет об организации производства, прежде всего машиностроения, и вообще концепции развития машиностроения. Надо сказать, что и сейчас очень трудно найти специалиста по оперативному управлению или по организации производства, с чем я не раз сталкивался в Академии народного хозяйства при правительстве РФ.

С. А. Хейнман перевел знаменитый американский двухтомник «Организация производства», в котором заложены основы логистики, грузопотоков внутри предприятия, рациональной расстановки оборудования, организации потоков.

Он очень глубоко изучал вопросы специализации производства. Ведь у нас каждое машиностроительное предприятие было как феодальное хозяйство, с литейными, кузнечно-прессовыми и инструментальными производствами, цехами, где выпускали изделия из пластмасс, тару, упаковку и многое другое. Об аутсорсинге тогда у нас известно не было.

Семен Аронович прежде всего восставал против этой системы феодальных хозяйств: он приводил в пример США, другие развитые страны, где автомобильные заводы были чисто сборочными предприятиями, даже без металлообрабатывающих станков. Иногда к сборочному цеху примыкали литейное производство, кузница, цехи по сварке кузовов, изготовлению крупных кузовных деталей прессованием, а двигатели, шасси, коробки передач делали на других заводах.

Кооперация давала огромный выигрыш в производительности. Например, на «АвтоВАЗе», построенном по образцу итальянского «ФИАТа», один человек производил семь автомашин, а на «ФИАТе» – 30. Почему? Потому что на «ФИАТе» осуществлялась только комплектация, а «АвтоВАЗ», помимо всего прочего, имел цех вспомогательных производств. Это целый город, где работало 30 тыс. человек. В нем выпускали всякую всячину, не имевшую отношения к автомобилестроению, – решетки для кладбищ, ворота для гаражей, даже роботы производили в очень маленьких количествах, конечно, непрофессионально, потому что для этого надо иметь мощное конструкторское бюро, исследовательские подразделения. Естественно, производительность была очень низкой.

К сожалению, в советское время к С. А. Хейнману никто не прислушивался, но переведенную им книгу по организации производства, его собственные многочисленные работы по организации машиностроения прочли десятки тысяч людей, на его идеях постепенно стали вызревать кадры с современным пониманием производства. Например, Р. С. Асатрян, генеральный директор АО «Москвич», в советское время был начальником главка по производству автобусов, настоящий инженер, конструктор, проникся этими идеями и первым в СССР еще до перестройки начал их воплощать в практику. На АО «Москвич» он отделил произ-

водство деталей, литейку, кузнечный цех. Но это – только один пример, таких людей сотни, и они постепенно преобразовывали наше производство.

Идеи Семена Ароновича, его нетрадиционный подход, совершенно новое мышление оказали на меня самое большое влияние. Он придавал огромное значение инновациям, технологическим изменениям, очень пристально следил за тем, что происходит в мировой экономике, за тенденциями западных стран, за литературой. Обо всем этом мы часто беседовали, Семен Аронович меня просвещал, его можно было слушать часами...

Я с ним виделся очень часто, во время каждого своего приезда в Москву, а это случалось раз в десять дней, к тому же он регулярно приезжал в новосибирский Академгородок на заседания редколлегии «ЭКО».

Вообще это была исключительная личность. Поэтому на примере С. А. Хейнмана я хочу сказать, что нам надо гордиться нашими предшественниками, людьми с большой буквы, настоящими исследователями, преданными экономической науке, людьми, для которых истина выше выгоды и всяких конъюнктурных соображений. Их отличала поразительная смелость, удивительное бесстрашие в служении истине, ведь все, что писал Семен Аронович, например, о структуре машиностроения, прямо противоречило той политике, которая у нас велась. Таких смелых было очень мало, ведь за исследования по организации производства, анализ достижений США в этой сфере можно было получить обвинения в космополитизме, в пропаганде империалистического опыта. Люди тогда уходили в теорию, что было выгодно для карьеры. А Семен Аронович ничего не боялся.

С. А. Хейнман был одним из основателей журнала «ЭКО» и во многом способствовал тому, что журнал, издававшийся не в Москве, а в Сибири, достиг гигантского по тем временам тиража, на нем воспитывались многие поколения директоров, он стал их настольной книгой. Семен Аронович очень честно относился к своим обязанностям. Раньше ведь была другая система: ни одна статья не могла быть опубликована без письменного заключения членов редколлегии. Цензура этого требовала, существовала коллектив-

ная ответственность, и нас, например, несколько раз обсуждали на бюро обкома КПСС, когда мы написали, что в стране производительность труда ниже, чем в США.

Семен Аронович был одним из тех членов редколлегии, кто держал уровень журнала, за что спасибо ему огромное. Он проделывал огромную работу. Мы обсуждали облик номера, концепцию на каждый год, он привлекал к работе интересных авторов, публиковал в «ЭКО» много своих статей, рецензировал.

Ученые-экономисты того поколения прожили как бы несколько жизней: они состоялись как крупные экономисты в 20-е годы, в период расцвета экономической мысли. Я не историк экономической науки, но при подготовке своей работы «Монопольные цены в США» проводил многие часы в Фундаментальной библиотеке общественных наук. Я имел доступ к экономическим журналам 20-х годов, читал внимательно эти дискуссии, меня интересовали конкретный анализ, факты, методология. Я читал труды экономистов 20-х годов, многих из них уже не было в живых. Не все выдержали тюрьму, ссылку, многих расстреляли, например, фактически расправились с редколлекцией журнала «Вопросы экономики» за публикацию статьи М. И. Кубанина о том, что мы отстаем от США в 4,5–5,0 раз по производительности труда в сельском хозяйстве.

В тот период расцвета экономической науки исследователи занимались конкретным анализом, работали на основе цифр. Шло восстановление нашей статистики на базе традиций земской статистики. Возьмите работу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» – она вся основана на цифрах. Теперь такие таблицы составить невозможно: очень сомневаюсь, что наша статистика покажет дифференциацию населения – бедных, людей со средними доходами, богатых и пр. Сегодня, чтобы это выявить, надо заказать обследование и заплатить деньги.

К сожалению, этих людей лишили возможности заниматься наукой на взлете, они шли вверх в своих исследованиях, и их деятельность оборвали на 25 лет и больше. Но после многих лет ссылок и лагерей они нашли в себе силы

вернуться к науке. Трудно даже представить, какой стержень должен быть у этих людей, какая внутренняя воля — после всего этого вновь быть в первых рядах исследователей. Ведь наука не стоит на месте, и, чтобы не отстать, надо читать литературу, разбираться, думать. Очень большое значение имеют семинары, обсуждения — ведь многие вещи приходят на ум именно в процессе столкновения мнений. А им это удалось. Какие они создали замечательные работы после такого перерыва! Им приходилось буквально бороться за существование, но они сохранили оптимизм, веру... Это о таких людях писал М. Ю. Лермонтов: «Да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя, богатыри, не вы...». Действительно, они были в науке богатыри.

К сожалению, молодое поколение ученых ничего не знает об этой замечательной плеяде ученых. Наши журналы пишут о них очень мало. Вот пример. Скоро юбилей В. В. Новожилова, всемирно известного ученого, крупнейшего экономиста XX в. Ленинградский научный центр издаст воспоминания о нем, и, чтобы написать статью, я попросил найти книги Новожилова в библиотеке Академии народного хозяйства. Мне задали вопрос: «А кто такой этот Новожилов?». Весь мир знает Новожилова, он классик экономической науки, который решил проблему измерения затрат, глубокий интерпретатор оптимизации — ее с математических позиций обосновал Л. В. Канторович, а В. В. Новожилов объяснил с позиций глубокой экономической логики. К сожалению, очень мало кто из молодых исследователей-экономистов слышал о В. В. Новожилове, о нем нет упоминаний в учебных курсах, нет ссылок на его работы.

Мне очень приятно, что Институт экономики РАН во главе с академиком Л. И. Абалкиным занимается увековечиванием памяти этих замечательных экономистов. Издана изумительная книга об Альберте Львовиче Вайнштейне, введение и предисловие написал В. М. Кудров, который близко его знал. Написано от души, с любовью, с профессионализмом проанализированы труды А. Л. Вайнштейна. Благодаря этой книге можно познакомиться с наследием наших замечательных предшественников, но вот захочет ли современная молодежь это знать?

Я считаю, что наша задача – воспитание современных молодых экономистов, которые на деле хотят заниматься экономической наукой, на примере этих столпов, представителей старой экономической школы, которая повлияла на умы очень многих, передать эту эстафету, создать преемственность поколений.

И одна из важных задач – пропагандировать идеи С. А. Хейнмана, его подход к организации производства. К сожалению, я вообще не вижу возрождения экономической науки, особенно на уровне экономики предприятий. Разработки Института проблем переходного периода, возглавляемого Е. Т. Гайдаром, воплощаются в практические решения на государственном уровне. Но этот институт занимается макроэкономикой – бюджетом, инфляцией, а не подробным рассмотрением вопросов организации производства.

Раньше этими проблемами на уровне отраслей – машиностроения, энергетики – занимались отраслевые институты, и С. А. Хейнман много работал с ними. Эти институты в трудные перестроечные времена были ликвидированы, как и министерства. И сейчас конкретная экономика не в чести. Наши «АвтоВАЗ» и «ГАЗ» неконкурентоспособны, это по-прежнему те же феодальные хозяйства, с чем боролся Хейнман. И наука, к сожалению, им мало чем помогает. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, несмотря на название, уже почти не занимается этим. Когда-то развивалось такое направление, и был создан Клуб директоров, но оно сошло на нет. И мне не удалось поставить эту тематику на такой уровень, какой был у С. А. Хейнмана, из-за отсутствия специалистов.

Но, хотя сейчас эти идеи в России и не востребованы, я уверен, что это произойдет, причем на новом уровне, в сплаве с информационными технологиями. Уже сейчас в России есть примеры эффективной организации производства: не узнать «Магнитку», установлены электропечи на «Северстали» и т. д. Но в целом, на мой взгляд, сейчас не столько важны конкретно труды С. А. Хейнмана, хотя многое в них актуально до сих пор (к сожалению), сколько нравственные уроки, образ мышления, служение науке этого человека.